РАЗДЕЛ VI

СОВРЕМЕННЫЕ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК [176.7+7.01:111.85]:130.2(4/5)
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-102-106

М. В. Москалюк, доктор искусствоведения, профессор,
Красноярский государственный институт искусств (Красноярск, Россия)
mawam@rambler.ru

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗМА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ИСКУССТВО И НЕ-ИСКУССТВО

Аннотация. Публикация фокусирует внимание на целом ряде радикально отрицательных следствий культурной глобализации: агрессивная экспансия массовой низкопробной культуры, нивелировка национальных культурных ценностных систем, общественная терпимость по отношению к идеям морального нигилизма, транслируемым в формате этически спорных культурных акций.

В статье реактуализуется вопрос о границах творческой свободы этически индифферентного художника, художественный язык которого сознательно игнорирует общепринятую дифференциацию категорий добра и зла, «высокого» и «низменного». Автор аргументирует необходимость формулировки компромиссного варианта критериев оценки произведений художественного творчества, с помощью которых возможно отличить подлинное произведение искусства, обладающее несомненной эстетической ценностью, от продукции массовой культуры. Произведение современного искусства, по замечанию автора, не может оперативно и достоверно получить однозначной положительной или отрицательной оценки, однако обязательным условием, строго определяющим его ценность для культуры, должно быть соответствие его формы высокому уровню исполнения, поскольку произведения, не отвечающие критерию эстетичности, остаются за границами мира искусства. Автор отмечает, что без освоения ценного национального духовного и художественного опыта творческий прогресс художника невозможен; авторская позиция близка философским взглядам деятелей русского евразийства на вопросы культурно-эстетического порядка.

Ключевые слова: культурная глобализация, евразийское пространство, мировоззренческие ценности, границы творческой свободы художника, национальные традиции.

Термин глобализм и стоящее за ним понятие глобализации регулярно используется на разных уровнях: от публикаций в СМИ до дискуссий на площадках значимых экономических и научных форумах. Под глобализацией общепринято понимать процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. В России и многих других странах глобализация нередко отождествляется с американизацией. Подобная ситуация обусловлена влиянием Соединенных Штатов Америки в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Голливуд выпускает большую часть фильмов для мирового проката. В Америке берут своё начало мировые корпорации: Microsoft, Intel, AMD, Coca-Cola, Apple, Procter&Gamble, Pepsi и многие другие. Своеобразным символом глобализации, присутствующим в подавляющем числе больших и малых городов Европы, Азии, России, стал McDonald's. Города Сибири не являются здесь исключением. На данном фоне актуализируется созда-

ние союзных форм сотрудничества, обладающих региональной спецификой и продвигающих собственные программы развития. Особенно активно данные процессы протекают сегодня в евразийском регионе. Назовем наиболее масштабные объединения: ЕАЭС (Евро-Азиатский экономический союз) – международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учреждённая Договором о Евразийском экономическом союзе; ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) – международная организация, основанная в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

Глобализация в целом – многогранная проблема мирового сообщества, но предметом внимания в данном исследовании является исключительно культура и искусство. Необходимо сразу подчеркнуть, что евразийское пространство в нашем контексте рассматривается не столько как географический регион, сколько совокупность исторических, культурных,

религиозных императивов, формирующих современную социальную картину.

Обращаясь к проблематике современной культуры и искусства, отметим, что в программных документах международных и всероссийских конференций последних двух-трех лет на обсуждение научного сообщества неизменно выносятся следующие ключевые вопросы:

культурное наследие в условиях глобализации,
критерии художественности и трансформация природы искусства в условиях глобализации,
глобальный мир и культурная идентичность,
противоположность духовно-мировоззренческих ориентаций рыночного и художественно-эстетического сознания,
значение классического художественного наследия в современной культуре,
изменения форм и методов художественной деятельности в традиционном их понимании, статуса произведения искусства и т. п.

Не является исключением и II Международный научно-практический форум «Культура евразийского региона» (Барнаул, май 2018 года), который задачами своей работы ставит «привлечение устойчивого академического интереса к актуальным проблемам сохранения и трансляции культуры исторической и современной Евразии». Почему же со стороны культуры и искусства в евразийском пространстве глобализация вызывает столько опасений у научного и художественного сообщества, находится в зоне столь пристального внимания?

Задача культуры современного общества – формирование мировоззренческих ценностей, их трансляция и сохранение. Именно для этого человечество выработало уникальный язык, не знающий временных границ, не требующий перевода – это язык искусства. На языке искусства через страны и континенты, через века и тысячелетия мы говорим о высоком, о духе и душе, о любви и верности, о красоте и гармонии, о материнстве и подвиге, о многом другом, без чего наша жизнь стала бы бессмысленной и плоской, возможно, и вовсе не состоялась бы на планете Земля.

«Vita brevis, ars longa» – так на латыни прозвучала в изложении римского философа-стоика, поэта и государственного деятеля Сенеки знаменитая фраза величайшего врача Древней Греции Гиппократ. «Жизнь коротка – искусство вечно», нередко повторяем и мы вслед за древними римлянами. Тезис о том, что человеческая жизнь коротка, вряд ли вызовет споры, а вот антитезис, что искусство вечно требует уточнений и разъяснений. Это особенно очевидно, когда мы соприкасаемся с современным нам искусством, в процессе восприятия которого зачастую не о вечности думаем, а задаём себе вопрос, является ли данный арт-объект, перформанс или акция, музыкальная какофония, вульгаризированная театральная постановка собственно искусством?

Именно в сфере современного искусства отчетливо выкристаллизовываются основные вызовы глобализма:

утрата, размывание национальных культурных ценностей;
экспансия массовой низкопробной культуры;
политкорректность по отношению к деструктивным идеям, элементам, акциям.

Отсюда ясна обеспокоенность состоянием современных культурных и художественных процессов, где понятие нормы и допустимых границ авторского высказывания размывается и становится все более невидным. Необходимость оценочных критериев определяется тем, что в области современного искусства неизбежны и обязательны острейшие споры, «что такое хорошо и что такое плохо»? что хочет сказать нам автор? где границы допустимого в авторском художественном творении?

Современное искусство, как сфера духовной самореализации человека и способ образного переосмысления действительности, не может и не должно восприниматься однозначно, как не может быть однозначным современный социум. История искусства демонстрирует, что в данной области деление «плохое-хорошее» бывает изменчивым, не постоянным. И то, что не принималось при своем появлении на свет критикой, со временем может считаться общепринятым шедевром. Критерии оценки «искусства» и «не-искусства» также меняются во времени, но есть несколько позиций, которые остаются и должны оставаться неизменными. В обозначенных выше вызовах глобализма их формулирование нам представляется крайне актуальным.

Прежде всего, остановимся на сложнейшем вопросе: где пределы допустимой свободы, где границы авторского самовыражения? В изобразительном искусстве легко проследить, что в мировом художественном наследии есть достаточно большая группа работ, содержание которых далеко выходит за рамки общепринятой человеческой морали. Вспомним, например, мрачного фантаста, «почетного профессора кошмаров» нидерландца Иеронима Босха (около 1450–1516). Для нормального человека очевидна противоестественность, абсолютная чуждость предложенных им смещений в одном персонаже человеческого и звериного, живого и мертвого, антропоморфного и машинного, физического совершенства и сексуальной извращенности. Вершинами творчества великого испанского художника Франциско Гойи (1746–1828) справедливо считаются циклы офортов «Капричос», «Тавромахия», «Диспаратес», где перенасыщенные интеллектуальными призраками листы будоражат воображение выходом в сферу мира жестокости, насилия, предательства, извращения, что на бытовом, каждодневном уровне существования человека абсолютно не приемлемо. И, наконец, ярчайший в этом ряду пример – сюрреалист Сальваторе Дали (1904–1989), откровенно шокирующий содержанием своих больших и малых творений. В беспредельной фантазии монструозных мотивов Дали идет дальше и Босха, и Гойи.

Но вполне цивилизованные и добропорядочные граждане считают данных мастеров своими любимыми художниками, обращаются к их творчеству на протяжении всей жизни. Почему, за счет чего Босх, Гойя, Дали и другие мастера могут не только вторгаться в запретную зону, на которой человеческая мораль раз и навсегда поставила табу, но и предъявлять человечеству чуждое и запретное неслетное число раз? Ответ однозначен. Одновременно с безобразным данные художники с полнотой и глубиной выразили красоту и богатство реальной действительности, при всех запердельных аспектах содержания сохранили кипящее и волнующее ощущение жизни. Колористическая и композиционная красота творений Босха, Гойи, Дали безупречна. Глубокие проникновения в сокровенные, запертные пласты внутреннего мира человека прочно спаяны в их работах с высочайшим уровнем художественности, что являлось и будет всегда являться основным оценочным критерием значимости произведения искусства.

Итак, выход за границы человеческой морали в сфере искусства вполне допустим, в истории искусства тому есть немало ярчайших примеров. Но убедительным и нужным человечеству такой выход будет только при условии, что он совершен по самым высоким законам искусства. Облаченное в эстетическую форму «греховное, темное, чужое» перестает угрожать «светлому, чистому, своему», держит необходимую дистанцию, перестает быть опасным. Неслучайно эстетические категории бинарны: прекрасное – безобразное, возвышенное – низменное, трагическое – комическое.

Тревожно-беспокойный, галлюцинирующий, ирреальный мир, где находят свое воплощение тайные монстры человеческого сознания, воссозданный в безупречных художественных формах великих творцов в конкретных произведениях искусства, как бы ни было это парадоксально, необходим для сохранения человеческой морали, для очищения и оздоровления человеческой души. Через идеальную художественную форму временно (процесс восприятия произведений искусства всегда имеет временные границы) снимается табу с абсолютно запертного в реальном человеческом бытии. Думается, именно таким образом через искусство, через эстетическую форму человечеству в целом, и каждой конкретной личности в частности, не только возможно, но и необходимо соприкасаться с «запертным, темным». Освоенное через мир искусства оно перестает быть тайным и страшным, следовательно, можно найти механизмы его распознавания, осознания и регулирования.

Наряду с высокой художественной формой, вторым критерием, позволяющим прогнозировать необходимость и жизненность произведения искусства в современном мире, обозначим не разрушительный, а созидательный со стороны этических норм характер его содержания. Необходимо наличие в самом языке, в самом изобразительном тексте произведения таких

приемов (в каждом случае индивидуальных, присущих только конкретному автору), которые помогают разделить «прекрасное-безобразное», «возвышенное-низменное», «трагическое-комическое». «Произведение искусства не только сообщает, информирует, но и провоцирует некую эстетическую деятельность читателя, зрителя, слушателя. Произведение искусства рассчитано в акте своего творения не только на пассивное восприятие, но и на активное соучастие», – писал Д. С. Лихачев [1, с. 62]. В этом процессе активного соучастия зритель и должен иметь возможность, в конце концов, приобретать позитивный этический и эстетический опыт.

Далее в попытках определения критериев, позволяющих оценивать произведение современного искусства как необходимый не только их создателю, но и человечеству в целом опыт образного переосмысления действительности, опыт духовного познания и самопознания, обратимся еще раз к мысли Дмитрия Сергеевича Лихачева. В статье «Искусство памяти и память искусства» он констатирует: «Что давало каждому народу, например, обращение к национальным корням? Если это обращение не было продиктовано узким национализмом, стремлением огородиться от других народов и от их культурного опыта, оно было плодотворным, ибо расширяло и разнообразило культуру данного народа, обогащало его эстетическую восприимчивость. Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым. Обращение к старому, возрождение старого, сохранение его – это не отказ от нового, это новое понимание старого, своих корней, это ощущение себя в истории. Задержку в развитии создает не приверженность к истокам, а отказ двигаться вперед». И далее: «Ценность культуры прежде всего определяется тем, как она создавалась, какая в ней «заложена память». Если культура создавалась путем накопления многовекового опыта, она не может быть низкой. Если она создавалась путем отрицания всего предшествующего, то это вообще не культура» [2, с. 73]. Полностью разделяя данную позицию, хотелось бы заострить ее злободневность для современного художественного процесса, ведь один из основных вызовов глобализации – это утрата, размывание национальных культурных ценностей.

Искусство не создается из ничего. Предшествующий опыт техник и технологий, языка и формы, национального и интернационального в конкретной творческой практике может декларироваться как необходимый, важный или, наоборот, как отвергнутый, преодоленный, ненужный. Созданное в результате творческого акта произведение зачастую несет смыслы, которые сам автор предполагает скрытыми. Не забудем также, что произведение оживает, перестает быть предметом из определенного материала (краски и холста в живописи, металла, камня, дерева в скульптуре) только в диалоге со зрителем. Единственное условие диалога-воскрешения – процесс восприятия искусства. Само же восприятие есть

такой же активный творческий акт созидания идеальных смыслов из реальной материи, как и акт создания данного произведения. Получается, что произведение всегда говорит само за себя, какую бы глубокую концепцию по его прочтению нам не предлагали извне. Зачастую декларативно автор отвергает наличие той или иной традиции, но сам текст произведения показывает иную ситуацию.

Выше, пытаясь сформулировать основные оценочные критерии современного искусства в эпоху глобализации, мы адресовались к общепризнанным примерам подлинного искусства, прочно вошедшего в число мировых художественных ценностей. В ряду Гойи, Босха, Дали вряд ли корректен будет пример Олега Кулика, однако позволим его себе. Акция «человек-собака», тридцатилетняя «зоофрения» (так Кулик определил свое направление) стала достоянием не только российской, но и мировой общественности, так как в образе собаки он объездил Европу и Америку. Сама эта акция (как впрочем, и все другие акции Кулика) является ярчайшим примером политкорректности по отношению к деструктивным идеям. Рассматривать акции Кулика в категориях искусства бессмысленно, но необходимо заострить внимание, как легко в современных манипуляциях общественным сознанием «низменное» выдается за «высокое». Арт-критика вокруг Кулика позиционирует его не просто гением, а истинно «русским художником». Вот короткие цитаты Марата Гельмана: «Олег стал самобытным художником, который в своем творчестве проявляет русский характер, русскую дикость. С одной стороны, он опустил человека до собаки, с другой стороны, продемонстрировал равенство человека и животного, основу русской этики». «Вот эта его обостренность на этических проблемах – истинно русская черта, и его юродство – тоже» [3]. К сожалению, не замечать подобные перевертыши нельзя, многими данные сентенции воспринимаются абсолютно серьезно. В процессе глобализации, в период намеренного стирания нравственных границ в сфере искусства активность деструктивных направлений вызывает самую серьезную тревогу. Новое содержание масс-культуры именно благодаря глобализму (в данном случае выгодной определенным политическим кругам всемирной унификации) транслируется настойчиво и агрессивно. Поэтому мы и говорим о необходимости присутствия объективных критериев оценки в современном разговоре об искусстве.

Подводя итоги, еще и еще раз подчеркнем, что в вызовах глобализма оценочные критерии современного искусства необходимы. В обобщенной форме их можно суммировать следующим образом:

- высокий уровень художественной формы; в мир искусства не входят произведения, выпадающие из сферы эстетического;

- разделение «добра» и «зла», «высокого» и «низменного» согласно нормам общечеловеческой морали;

- освоение мирового и национального духовного и художественного опыта, претворение традиции.

Заостренность нашей проблематики привела к тому, что понятие глобализации выше рассматривалось исключительно в негативном аспекте. Это не совсем верно. Для современной эпохи культурной глобализации характерно сближение между разными странами мира, рост международного общения и обмен лучшими достижениями. Все более развитым становится международный культурный туризм, что приводит к популяризации отдельных видов той или иной национальной культуры по всему миру. Очевидно также, что положительными факторами являются такие возможности современного мира, как выходящие на экраны одновременно во многих странах лучшие кинофильмы, перевод и популяризация у читателей разных стран шедевров литературы, благодаря TV возможны мировые премьеры и многое другое. Очевидно, что в культурной глобализации повсеместное распространение Интернета играет в определенных сферах положительную роль. Понимая реальную опасность обозначенных в начале публикации негативных вызовов глобализации, мы ни в коем случае не ведем речь о «железном занавесе» на евразийском культурном пространстве, о запрещении смелых и неоднозначных творческих экспериментов. Но воспитание в самых различных социальных слоях (юношество, студенчество, бизнес и политические элиты) умения отличать подлинные художественные и духовные ценности от вульгарного суррогата сегодня как никогда актуально.

Несомненно, что именно в сфере искусства глобализация осуществилась давным-давно и многосторонне. Искусство тысячелетиями успешно существует без языковых границ (не зная испанского, итальянского, арабского и сотен других языков, мы в полной мере постигаем великие создания мира). Кроме того, благодаря искусству мы легко преступаем и временные границы, ведь наскальные рисунки первобытных людей не менее ценны для нас сегодня, чем уже упомянутые шедевры Босха, Гойи, Дали. С другой стороны, существуя в общечеловеческих категориях этических и эстетических ценностей, именно искусство позволяет нам понять и почувствовать уникальность чужой культуры, индивидуальность чужой души, основы чужой религии. Таким образом, в глобальном масштабе подлинным искусством создается исключительно продуктивный диалог, способствуя развитию человеческой цивилизации.

Критерии различения искусства и не-искусства всегда пролегли и в будущем также должны пролегать на уровне высоких норм общечеловеческой морали и общечеловеческих ценностей. В продвижении данного тезиса в полной мере можно опереться на активно изучаемую сегодня философию евразийства. В целом она оставила нам сложное и отнюдь не однозначное по своему составу наследие, но наиболее содержательным и перспективным в феномене евразийства нам видится именно культурно-эстетический аспект, с его настойчивыми поисками особой гармонизирующей силы,

необходимой для преобразования действительности. В широкой сфере евразийства пристально рассматривались вопросы культуры. В трудах религиозного философа, протоиерея Георгия Флоровского (1893–1979), философа, историка, поэта Льва Петровича Карсавина (1882–1952), философа и публициста князя Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938) ставились самые высшие задачи духовного содержания и идеального предназначения человека. Большие идеи евразийской концепции в части поиска гармоничного равновесия и симфонического содержания человеческой личности, отказ трактовать человека как машину потребления и наслаждения крайне актуальны для современности.

Список литературы

1. Лихачёв Д. С. О «неточности» искусства и несколько мыслей о стилистических направлениях // Очерки по философии художественного творчества. Санкт-Петербург, 1999. С. 59–73.
2. Лихачёв Д. С. Искусство памяти и память искусства // Критика и время. Ленинград, 1984. С. 68–74.
3. Репина С. Метаморфозы Олега Кулика. URL: https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/oleg_kylik/ (5.02.2018).

Marina V. Moscaluk, Doctor of Art Criticism, Professor,
Krasnoyarsk State Institute of Arts (Krasnoyarsk, Russia)
mawam@rambler.ru

CHALLENGES OF GLOBALIZATION IN THE EURASIAN SPACE: ART AND NON-ART

Summary. The paper focuses on some extremely negative consequences of cultural globalization process, such as the mass culture's aggressive expansion, elimination of ethnic cultural systems, public tolerance to ideas of moral nihilism that are outspreaded in a format of ethically disputable cultural events. The author re-arises a question about borders of creative freedom of an ethically indifferent artist whose artistic language consciously ignores the distinguishing the kindness and the evil, as well as hierarchy in "high" and "low" genres of art.

The author argues a need of elaborating compromise version of assessment criteria for work of artistic creativity whereby it is possible to distinguish the true masterpiece with doubtless aesthetical value from mass culture production. A work of contemporary art, in the author's opinion, cannot be positively or negatively rated quickly and reliably but essential condition for its value definition for culture should be accordance of its form with high-level of its performance because work of art that does not meet the aesthetics criteria is leaved behind the edges of art world. The author notes that an artist's creative progress is impossible without his or her in-depth

knowledge of motherland's precious spiritual and artistic experiences. On this count, the author's viewpoint is close to the Eurasianists' standpoint concerning cultural and aesthetics questions.

Keywords: cultural globalization, the Eurasian space, worldview values, borders of an artist's creative freedom, ethic cultural traditions.

References

1. Likhachov D. S. O «netochnosti» iskusstva i neskol'ko myslej o stilisticheskikh napravleniyah [On "Inaccuracy" of the Art and Some Thoughts About Stylistic Directions] // Ocherki po filosofii hudozhestvennogo tvorchestva [Essays on Philosophy of Artistic Creativity]. Saint-Petersburg, 1999. Pp. 59–73.
2. Likhachov D. S. Iskusstvo pamyati i pamyat' iskusstva [Art of Memory and Memory of Art] // Kritika i vremya [Criticism and the Time]. Leningrad, 1984. Pp. 68–74.
3. Repina S. Metamorfozy Olega Kulika [Oleg Kulik's Metamorphoses]. URL: https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/oleg_kylik/ (5.02.2018).

УДК 7.072.2:7.046.1:552::904-032.5(517.3)
DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-106-111

М. Ю. Шишин, доктор философских наук, профессор
Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия)
shishinm@gmail.com

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ КОМПЛЕКСОВ ПЕТРОГЛИФОВ: ОПЫТ СЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КОМПОЗИЦИИ «ШАМАН НА ВОЛКЕ» В БАГА-УЙГУР В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Аннотация. На примере крупнейшего комплекса петроглифов в Бага-Уйгур I в Западной Монголии автор статьи исследует значимые для искусствоведения вопросы: как выглядел художник в древности с точки зрения художественных задач, какими материалами и инструментами он пользовался, какова была его система средств